Олейников А.

26.12.92.

Моск. комсомолец. – 1992. – 26 дек.

САМЫЙ НЕКОМПЕТЕНТНЫЙ

Фото Александра ИЗОТОВА.

Александр ОЛЕЙНИКОВ: «Кино — это чистый гипноз»

Александр Олейников — из поколения молодых, рьяных и стильных журналистов сегодняшнего ТВ. Его «программа ИКС» — одна из немногих стóящих передач о кинематографе, появившихся за последнее время на обоих телевидениях («Останкино» и Российском). С самого начала он заявил: «Не собираюсь напрягаться по поводу политики. Моя программа — о кино». Это сейчас, когда при слове «демократия» все плюются, мы захлопали бы в ладоши этим словам. А два года назад пресса закидала камнями — не волнует судьба страны?! Себя Олейников обзывает в программе «самым некомпетентным в области кино». Но это все, конечно, прикольчики. Компетентен, и весьма. За что и любим киношной тусовкой. Почему и интересен.

— До «Программы ИКС» я никогда не занимался собственно журналистикой. Был солидным режиссером, два года к тому времени проработал по контракту в Германии. Жизнь была устроена, и деньги были. Меня совершенно случайно в баре отловили знакомый режиссер Юра Александров и Сергей Шумаков, который был тогда заместителем редактора главной редакции кинопрограмм, и говорят: «Давай делать молодежный выпуск «Кинопанорамы». Ты будешь ведущим». Я долго сопротивлялся, поскольку никогда этим не занимался, вопросов задавать не умел. Но уломали. Дело было в пятницу, в субботу мы попробовали, в субботу же начальство утвердило, а в воскресенье я улетел на месяц отдыхать. Вернее, думать, как дальше жить и чем вообще вся эта затея может кончиться.

Пока меня не было, навалилась всем памятная ситуация с Кравченко. И Союз кинематографистов объявил бойкот телевидению. А передачу мою никто не отменил, и в прессе пошел слух, что, мол, «Кинопанорама» отказалась выходить в эфир, срочно нашли какого-то мальчика зачуханного (тут они были правы, первый раз перед камерой зажим у меня был страшный), засунули в кадр...

— Ты, насколько я помню, достойно отплевался.

— Просто я понял: надо показать людям, что мы будем огрызаться. Во втором выпуске наехал на всех сразу, особенно, помню, на Чекалову из «Московских новостей». Того, что она обо мне тогда написала, я ей никогда не прощу. Позвонила мне сразу после эфира на какую-то левую квартиру (я тогда уже в полуразводе был и квартиру снимал), сказала, что хочет подготовиться к серьезному интервью: «кто ты, что да как». Я ей наговорил про себя по телефону, она выдернула из моих слов одно, второе, третье и в результате сделала из меня какого-то нациста. Это было свинство. Я не мог смолчать.

— А ведь был, наверное, риск, что в следующий раз тебя просто не выпустят в эфир?

— Самое интересное, что мои программы никто никогда не отсматривал. Посмотрели только самую первую. В «ИКСе» я всегда что хотел, то и делал.

— Почему ты называешься «ИКС»? Намек на некую загадочность?

— Да нет, просто Информационная КиноСлужба. У меня даже заставка такая раньше была.

— А вот заставочки «самый некомпетентный ведущий», «самая тенденциозная программа» — это что за придумки?

— А я решил: раз «самый некомпетентный», значит, с меня взятки гладки. Где-то ошибся (а ошибаюсь я, кстати, часто) — никаких претензий. Но это так, хохма. На самом деле я кино с детства люблю, все про него знаю, могу со многими поспорить.

— Как-то у тебя была передача, посвященная величайшим именам мирового кинематографа. Половину из которых, я уверена, большинство не знает. Не проще ли было бы взять всем известных «звезд»?

— С моей стороны было бы непростительно пройти мимо этих имен. Я, как мог, пытался помочь зрителю их воспринять, пытался зацепить на чем-то, не имеющем отношения к кино. Так, например, было с Фассбиндером. Я показал его пунктиром: развязный, скандалист, жестокий на площадке, бисексуал, наркоман, отрицательнейший человек. И в то же время — гений. А если бы я начал просто про него говорить, что он великий, это было бы то же самое, что показывать на белую стену и говорить, что она белая.

Я вообще предпочитаю сам ничего не рассказывать: есть картинка — есть человек. Не люблю комментариев. Просто уверен, что за последние годы киношники сами принизили свою роль в обществе. Недавно, например, Шакуров вышел и говорит: «Мне не на что жить, пойду таксистом работать». Это, конечно, большая проблема, но он отвернул от себя огромное количество людей.

— А может, наоборот, стал таким «своим парнем»?

— Нет, «своя» игра здесь не проходит. И европейский, и американский опыт показывает, что «звезды» должны быть отдельным царством. Это намного интереснее, чем если актер со зрителем в одном троллейбусе едут. Кино — это же все условное: условное время, условный мир, условная история... Это чистый гипноз.

— Когда ты перешел в ВиД, не давил ли на тебя Эрнст с «Матадором»?

— Мы же все знакомы были еще до «ИКС». И Ваня Демидов, и Костя Эрнст — они меня к себе и затащили. Причем, что забавно, с Эрнстом нас всегда путают: ему пишут письма на меня, мне — на него: «сижу, смотрю вашу передачу про каннский фестиваль...»

— А почему, кстати, ты не был в Каннах?

— Не люблю я этот фестиваль. Не выношу протокола. У меня брюк приличествующих нет, пиджака, я все это не умею носить. Там слишком серьезно играют в кинематограф. Таких, как твоя, съемочных групп — сотни. Я не могу работать при такой конкуренции. Мне легче в Мюнхене, в Вене. Там я могу спокойно беседовать, к примеру, с Лукасом, и меня никто не будет толкать в бок.

— А на «Кинотавре» ты был?

— Нет, оттуда и так было сделано слишком много программ. А у моей передачи есть хорошее свойство — эксклюзивность.

— А что ты вообще думаешь об отечественном кинематографе?

— Я являюсь его горячим пропагандистом. Соцреализм, например, — шикарное кино, свое, доморощенное. Вообще гениальный у нас кинематограф. А сейчас происходит грандиозная смена поколений. То же самое, что происходило в смутные 20-е годы, во времена нэпа, когда появились Эйзенштейн, Трауберг, Довженко. Все выползли неизвестно откуда, встретились чисто случайно... Сейчас все то же самое, ноль в ноль.

— Ну и кого бы ты сравнил с Эйзенштейном?

— Ну, положим, Эйзенштейн это Эйзенштейн. А вообще масса талантливых ребят: Тодоровский, Месхиев, Хван, Охлобыстин...

— А если какой-то твой друг снимет объективно плохой фильм, ты раскритикуешь его в программе?

— Нет, никогда. Лучше промолчу. А вообще я стараюсь снимать в программе людей, которые мне нравятся. И не собираюсь говорить, что моя передача объективна. Я рассказываю о своих друзьях. У меня даже фраза такая дежурная есть — «Программа ИКС» в гостях у своих друзей». В любом городе — в Киеве, в Мюнхене, в Вене.

— А в принципе, как за границей работается?

— Да все надоедает. У нас же менталитет совсем другой. Только самые свихнувшиеся могут там оставаться из-за каких-то своих совковых принципов. Западный человек приедет в Россию, у него тут все обломается, и он вернется на родину. Наши уезжают, работают таксистами и не возвращаются — я уехал, и мне стыдно вернуться. Я вот, например, так не могу. Мне через две недели домой хочется.

— Заботишься ли ты о своем имидже? Я заметила, ты в программе все больше в одной и той же рубашке появляешься?

— Если я скажу, что это от нищеты, то это будет неправда. Одеваюсь во что одеваюсь. Только причесываюсь всегда обязательно перед эфиром. Мне, кстати, никогда не писали отрицательных писем типа «длинноволосый подонок, нацист». Одна женщина недавно вообще очень трогательное письмо прислала: «Я логопед, не могу слышать, как вы «л» неправильно говорите. Посылаю упражнения». В жизни никогда не думал, что я «л» неправильно говорю.

— Сколько ты зарабатываешь?

— На «ИКСе»? На нем я только теряю. Раньше я «давал богатого» и все зарубежные передачи снимал на свои деньги. На прошлогодний мюнхенский фестиваль я просто купил билет, друзья в Мюнхене дали мне камеру, снял программу, привез, смонтировал... У меня хватало денег. Это сейчас я иду в ногу с инфляцией.

— А какое у тебя образование?

— А никакого. Я «сибирский алмаз». Когда был момент выбора — продолжать учиться или уйти работать на ТВ, я выбрал второе. И не жалею нисколько, клянусь. Никогда не умел писать конспекты, дисциплины не выносил, из аудиторий меня всегда выгоняли.

Два первых года на телевидении я работал практически без отдыха. Просто тупо делал все, что было возможно делать, — от администратора до режиссера. На телевидении работают все-таки психи — без выходных, ненормированный рабочий день, если скажут, что ночью можно сидеть монтировать, — с радостью побегут. У меня бывали ситуации, когда я по пять суток не выходил из монтажной. Какой нормальный человек на это пойдет? И это не на уровне амбиций. Это скорее самоамбиции.

— То есть желание «звездности» присутствует где-то в подсознании?

— Если я скажу «нет», это будет слишком смело. Я просто считаю, что у каждого бывают свои взлеты. Как и свои падения. Так случается со всеми, так случится и со мной — удача тоже должна когда-то отдыхать.

Ольга ВОЛКОВА.